

Не обращая внимания на Лю Цюаньцзиня, Лю Яоцин улыбнулся и сказал:

— Дедушка, посмотри, дядя всего несколько слов сказал, а папа уже поверил. А если бы кто-то другой сказал пару слов, дядя поверил бы, а потом вернулся и папе рассказал, что тогда делать? А если я действительно выйду замуж, а жизнь окажется не такой, как обещали, дедушка, твоё лицо в деревне тогда ещё нужно будет?

Ведь это сын чиновника, неважно, как там всё обернётся, если Лю Яоцин действительно выйдет за него замуж, придётся устроить пир для всей деревни. Тогда все узнают, и лицо старика Лю будет на виду. Если вдруг дойдут плохие новости, его репутация пострадает, и, как сказал Лю Яоцин, ему больше не сможет жить в деревне.

Хотя старик Лю обычно благоволил старшему сыну, он всё же дорожил своей репутацией. Теперь Лю Яоцин прямо ударил по его слабому месту.

— Тогда ещё раз разузнайте, — отдал приказ старик Лю.

— Отец... — Лю Цюаньфу зашептал, хотел что-то сказать, но, увидев посуровевшее лицо старика Лю, всё же не посмел открыть рот.

Выйдя из главной комнаты, Лю Цюаньцзинь большими шагами подошёл к Лю Яоцину и начал кричать:

— Как ты такой неблагодарный, а? Дядя для твоего блага старается, сказали, что узнали, всё хорошо, ты даже своим родным не веришь? Что за ребёнок такой, я тебе с малых лет что говорил...

Рядом Ли-ши не понимала почему тоже вставила слово:

— Цин-гэр, в этот раз ты действительно импульсивен поступил, всё-таки они старшие. Мы в своей комнате поговорим — это ладно, но там же не только твой дядя, но и дедушка с бабушкой...

Вернувшись в комнату, Лю Яоцин сел на маленькую скамеечку и молчал.

Ли-ши всё же была женой Лю Цюаньцзиня, и им предстояло прожить вместе всю жизнь. Кто бы ни был ближе, она не могла быть ближе к своему мужу. Лю Яоцин понимал это, но ему стало тяжело дышать. Лю Цюаньцзинь был главным в доме, и у Ли-ши не было своего мнения, она была как приложение. Даже Син-гэ не имел своих собственных мыслей.

— Пап, мам, вы, значит, словам дяди поверили? — Лю Яоцин подумал и спокойно произнёс. — Верите — не верите, а завтра я позову Чжэцзы-гэ, поедем в уездный город посмотрим, узнаем, какой он на самом деле этот сын чиновника.

— Какой ещё Чжэцзы! — Лю Цюаньцзинь нахмурился, он твёрдо решил, что Лю Яоцин должен зажить хорошо, и естественно не желал видеть, как тот сближается с Чжэцзы.

Не обращая внимания на слова Лю Цюаньцзиня, Лю Яоцин повернулся к Ли-ши:

— Мама, если я узнаю что-то плохое, ты должна быть готова.

Сказав это, Лю Яоцин вернулся в свою комнату и начал играть с двумя щенками.

Через некоторое время Син-гэ вошёл и тихо спросил:

— Что случилось? Только что вернулся, и Юй-гэр сразу отвел меня, не пустил в главную комнату.

— Ничего, — Лю Яоцин погладил лоб Эр Ха. — Син-гэ, эти дни побеспокойся об Эр Ха и Хэйбэе, мне нужно уехать. Эту дикую курицу, что у нас в комнате, попроси маму приготовить, давай им каждый день по кусочку мяса, немного куриного бульона, но куриных костей не давайте.

Закончив с инструкциями, Лю Яоцин снова вышел из дома. Как раз Чжэцзы-гэ был дома, и он рассказал ему о предстоящей поездке. Чжэцзы-гэ без колебаний согласился, сказав, что возьмёт воловью повозку в деревне. Лю Яоцин не стал возражать.

Вечером за ужином атмосфера в доме была неважная. Лю Цюаньфу хотел сказать что-то приятное, но, увидев холодное лицо Лю Яоцина, его радость постепенно угасла.

Глядя на такого строгого Лю Яоцина, Лю Цюаньфу почувствовал себя неуверенно. Тем не менее, когда все поели, он нашёл момент, чтобы отвести Лю Цюаньцзиня в свою комнату, и с серьёзным видом начал:

— Третий, что Цин-гэр хочет узнать, я ничего не говорю, просто я вижу, что он с Чжэцзы вместе собрался ехать. Ты скажи, в такой момент, если сын чиновника узнает, это дело тогда не объяснишь. Не из-за этого ли дела всё испортить можно.

Выйдя из комнаты Лю Цюаньфу, Лю Цюаньцзинь вернулся к себе и сказал Ли-ши:

— Ступай скажи Цин-гэру, завтра нельзя выходить из дома, и тем более нельзя с Чжэцзы встречаться! Когда он заживёт по-хорошему, нас ещё благодарить будет.

Ли-ши, неся таз с горячей водой для ног, тихо ответила:

— Я поняла.

Уложив Лю Цюаньцзиня на кан, Ли-ши порылась в шкафу с одеждой, затем вышла из комнаты и зашла к Лю Яоцину.

— Мама, — Син-гэ сидел на полу, играя с двумя щенками. Хэйбэй сидел спокойно, уши торчали вверх, а Эр Ха бегал вокруг, постоянно разговаривая с Син-гэ, издавая звуки «ау-ау».

Сев на край кана, Ли-ши не стала будить Лю Яоцина, просто сунула ему в руки маленький матерчатый мешочек и тихо сказала:

— Завтра утром пораньше уходи, зайди в посёлок, поешь. О доме не переживай...

Теперь Ли-ши начала понимать, что не хочет, чтобы счастье её сына оказалось под угрозой, даже если это будет напрасная поездка.

В мешочке лежало серебряное украшение — деньги на дорогу, которые дала Ли-ши.

Ещё не рассвело, Лю Яоцин встал, взял серебряное украшение и тихо вышел из дома.

В переулке было темно, хоть глаз выколи, впереди ещё и чернота смотрела как берлога. Лю Яоцин, сдерживая страх, запахнул одежду потуже и быстро пошёл вперёд. Впереди он увидел чью-то тень, и сердце his заколотилось.

Он сам был странным существом, и у него был реальный, но призрачный сон. В доме были два

щетка, и Лю Яоцин чувствовал, что в этом мире, вероятно, существуют призраки.

Раньше он слышал, как один старик рассказывал, что однажды на рассвете он вышел из дома и увидел вдали чью-то тень. Он подошёл ближе, чтобы рассмотреть, и тень ударила его по лицу. Старик споткнулся и с тех пор стал дурачком. Говорили, что его ударил призрак, и никакие врачи не могли его вылечить. Потом старик исчез...

— Цин-гэр? — Лю Яоцин был на взводе, как раз думал, не вернуться ли обратно, подождать, пока чуть светло станет, как вдруг услышал знакомый голос.

Тень впереди зашевелилась, и через несколько мгновений перед Лю Яоцином появился Чжэцзы-гэ, дышащий паром, высокий и крепкий, точно настоящий.

— Ты зачем так рано поднялся? — Лю Яоцин посмотрел вперёд, увидел телегу, и без лишних слов ловко вскарабкался наверх.

Чжэцзы боялся опоздать, если Лю Яоцин встанет рано и задержится, но, конечно, он не сказал этого. Он легонько хлопнул вола по спине, свернул за угол и выехал из деревни.

По дороге начало светать, Лю Яоцин был очень сонным. Увидев на повозке шкуру, он расстелил её и лёг, вскоре уснув. Проснулся он уже в посёлке.

Оставив повозку у знакомых, они съели горячие вонтоны, купили две лепёшки и сели на повозку в уездный город.

Дорога из посёлка в уездный город по большой дороге занимала около шести-семи часов, и это на быстрой повозке. Если идти пешком, можно было потратить целый день. В повозке ехали ещё несколько человек, но Лю Яоцин, занятый своими мыслями и будучи гэрмом, прижался к Чжэцзы, не разговаривая, и иногда засыпал.

Чжэцзы тоже не любил разговаривать, и его суровое лицо отпугивало других.

Добравшись до уездного города, они заплатили и вошли в город. Уже было совсем темно, но на улице ещё были люди, и некоторые лавки ещё не закрылись.

— Чжэцзы-гэ, пойдём к тому ларьку с вонтонами, — Лю Яоцин сказал. — Мне кажется, что старик и старуха там добрые.

— Угу, — Чжэцзы явно думал так же.

Они сели за столик, и старуха подошла:

— Два молодых человека, только в город приехали? У меня как раз ещё две миски вонтонов осталось, вы вовремя подоспели.

— Ещё бы. Две миски вонтонов, — Лю Яоцин прочистил горло.

Две миски вонтонов были готовы через мгновение. Старуха принесла их, увидев, что Лю Яоцин молодой и выглядит как гэр, а Чжэцзы высокий и сильный, она улыбнулась:

— Вы это к родственникам приехали или как? Не думайте, что я злая, просто вижу, что гэр красивый, хочу доброго слова сказать.

<http://bllate.org/book/16688/1531708>